

ИСТОРИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ*

Известно, что сегодняшняя история для осмысления и интерпретации эмпирических фактов широко заимствует понятия, модели и теоретические концепции у других наук. В данной статье представлен опыт приложения новой, представленной в научной литературе с середины 1990-х годов, макро-социологической гипотезы (или теории) институциональных матриц, для систематизации уже известных исторических данных о развитии отечественных земельных отношений. На основе положений этой разрабатываемой автором теории, точнее, ее раздела об X и Y-экономиках, анализируется специфика института земельной собственности российского государства. Акцент делается на объективной стороне земельных отношений, их обусловленности характером материально-технологической среды на территории нашего государства. Обосновывается, что доминирование форм условной верховной собственности на землю по сравнению с частными формами имеет постоянный характер.

ТЕЗИСЫ ТЕОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ

Центральным понятием данной теории является понятие института. Институты понимаются как устойчивые постоянно воспроизводящиеся социальные отношения, которые, собственно говоря, структурируют общественную жизнь. Институты разнообразны и устроены достаточно сложно, о чем свидетельствует множество трактовок институтов и обширная литература, посвященная их изучению. Трактровка института определяется, как правило, целями исследования и его местом в системе понятий, развиваемой теми или иными авторами. В нашем случае объектом анализа являются *базовые ин-*

* Статья подготовлена на основе глав авторской монографии «X и Y-экономики: институциональный анализ» (М: Наука, 2004).

ституты, образующие глубинные основания социальных взаимодействий. Они представляют собой определенное универсальное качество, повсеместно обнаруживаемое при изучении реальных социальных отношений. То есть базовые институты — научное понятие, в котором фиксируется выделяемое разумом устойчивое постоянно воспроизводящееся свойство многообразных человеческих взаимодействий по поводу совместного проживания в рамках единого социума, то есть социальных действий.

Совместное проживание людей требует связи и согласований между ними по трем важнейшим моментам. Именно эти моменты представляются значимыми для формирования необходимой и достаточной модели общества, которой и оперирует теория институциональных матриц. Она включает в себя сферы *экономики, политики и идеологии*.

Действительно, первым моментом общественной организации является необходимость совместного производства из условий окружающей среды средств потребления, без которых невозможно физическое воспроизводство социума. Это — ведение хозяйства, или экономика — первый срез общественной жизни. Вторым моментом является необходимость коллективного решения возникающих вопросов, выработка совместных целей и следование им, что означает выработку политики, то есть правил и процедур принятия таких решений. Политическими, по определению классика социологии Талкотта Парсонса, являются те «стороны социального действия, которые связаны с организацией и мобилизацией ресурсов для достижения каким-либо коллективом его целей»¹. Третий момент, образующий устойчивую платформу социальных взаимодействий и одновременно их составную часть — наличие общих ценностей и идей, разделяемых участниками деятельности. При принятии решений именно к этому комплексу значимых для массы членов общества идей, апеллирует общественное мнение. Разделяемые сообществом ценности легитимизируют, в конечном счете, политические и экономические решения. Итак, третьей значимой стороной социальных взаимодействий, которой нельзя, на наш взгляд, пренебречь при построении функционально полной и необходимо достаточной модели общества, является идеология.

В результате в нашей аналитической схеме общество предстает в единстве трех его размерностей, координат или срезов — экономики, политики и идеологии. Они образуют важнейшие сферы социальной жизни. Соответственно, регулирующие эти сферы институты (то есть институты, на основе которых осуществляются экономические, политические и идеологические взаимодействия) являются базовыми элементами данной модели. Мы назвали такую совокупность базовых экономических, политических и идеологических институтов *институциональной матрицей*². Институциональные матрицы как устойчивые самовоспроизводящиеся структуры характеризуют существование общественной целостности, они образуют своеобразный «невидимый» скелет общества, его архетипическую структуру.

В абстрактном научном понятии институциональной матрицы логически обобщены, то есть феноменологически «растворены» (покрыты) те многообразные реальные связи и институты, которые мы наблюдаем в социальной жизни. Это юридические и житейские нормы, правила и санкции, процедуры согласований, законы, традиции и обычаи, организации и законодательные акты и т.д. Чтобы отличать их непосредственно наблюдаемое множество от базовых институтов (абстрактного понятия), мы используем для обозначения таких феноменов термин *институциональные формы*. Связь между институтами и институциональными формами такова, что содержание базовых институтов проявляет себя в эмпирически наблюдаемых институциональных формах. Они являются их воплощением. Так, «незримый» институт собственности, структурирующий хозяйственную жизнь, проявляет себя в многообразных частных и публичных (общественных) формах собственности.

Много лет работая над анализом исторических и современных данных, относящихся к разным странам, мы все более убеждаемся, что лишь два типа доминирующих матриц можно выделить в структуре государств. Как можно разделить миллиарды людей Земли всего лишь на две группы — мужчин и женщин (пусть отличающихся между собой сотнями других признаков), так и все многообразие институциональных порядков можно свести к двум основным матричным исходным типам. Мы назвали их X и Y-матрицы³. Использование такой терминологии (ранее были апробированы и дру-

гие обозначения), уже закрепившееся в научной литературе⁴, подчеркивает равнозначный и объективный характер выделенных матриц. Они отличаются содержанием образующих их институциональных комплексов. То есть базовые институты в каждой из общественных сфер в X-матрице одни, а в Y-матрице — другие. При этом между собой в структуре одной матрицы эти институты тесно увязаны и подходят друг к другу как «ключ к замку».

Так, в Y-матрице, сочетаются экономические институты *рынка*, политические институты *федерации* (построения общества «снизу» из отдельных самостоятельных территориальных общностей) и *субсидиарные*⁵ ценности, в которых закрепляется приоритет Я над Мы. Y-матрица доминирует в большинстве стран Европы и в США.

Соответственно, X-матрица образована экономическими институтами *редистрибуции*⁶, политическими институтами *унитарного устройства* (построения общества «сверху» на основе иерархической централизации) и идеологическими институтами *коммунитарности*, в которых закрепляется приоритет Мы над Я. Доминированием X-матрицы отличаются страны Азии, Латинской Америки и Россия⁷.

Как в клетке человека присутствуют доминантные и рецессивные гены (именно доминантные определяют проявляющиеся характеристики людей), так и в институциональной структуре обществ действуют *базовые* (доминирующие) и *комплементарные* (дополнительные) институциональные матрицы. Это означает, что институты рынка сосуществуют с институтами редистрибуции, демократия и федерация — с принципами унитарности и централизации, а субсидиарные личностные ценности уживаются в общественном сознании с ценностями коллективными, коммунитарными. Принципиальное положение разрабатываемой теории заключается в том, что история стран характеризуется устойчивым *доминированием одной матрицы*, которая определяет рамки и пределы действия комплементарных институтов. Изучая развитие государств, мы обнаруживаем, что доминирование X или Y-матрицы имеет «вечный» характер и определяет социальный тип общества. Именно доминирующая матрица означает основной способ социальной интеграции, стихийно найденный

социумом в условиях проживания на данных пространствах, в определенной окружающей среде.

Относительно роли окружающих условий ограничимся здесь лишь замечаниями констатирующего характера. Мы выделяем два свойства материально-технологической среды обитания, которые, в конечном счете, и определяют тип складывающейся институциональной матрицы. Когда мы говорим о материально-технологической среде, то имеем в виду, прежде всего, специфику природных ресурсов, вовлекаемых в хозяйственный оборот, общественную инфраструктуру и отрасли, приоритетные для обеспечения жизнедеятельности всего населения. Среда по своим свойствам (проявляющимся в ходе ее использования как среды производственной) может быть либо коммунальной, либо некоммунальной⁸. Коммунальная материальная среда характеризуется технологической неразрывностью, что предполагает ее использование как единой нерасчленимой системы, части которой не могут быть обособлены без угрозы ее распада. Примеры коммунальной среды, хорошо известные россиянам — система аграрного производства, железнодорожных путей, жилищно-коммунальное городское хозяйство, система трубопроводного транспорта, единые энергетические системы и т.д. Некоммунальная материально-технологическая среда характеризуется автономностью. Образующие ее объекты технологически разобщены, могут быть обособлены и функционировать самостоятельно, что предполагает возможность их частного использования.

Коммунальная среда способствует складыванию институциональной X-матрицы, когда возникает необходимость централизации и объединения усилий людей в единых производственных процессах, формируются соответствующие политические структуры, а также коммунитарные ценности, в которых общественное сознание исторически закрепляет смысл такого общественного устройства. Некоммунальная среда порождает институты Y-матрицы — обособленных товаропроизводителей, взаимодействующих посредством рынка, федеративные политические структуры и адекватные такому устройству индивидуальные субсидиарные ценности.

Общества начинают свою жизнь с той поры, когда они приобретают способность генетически воспроизводить «нажитую информацию», и институциональные матрицы являются меха-

низмом передачи такой информации. Поэтому выявление институциональных матриц закономерно только для обществ с воспроизводящейся историей, и их бесполезно искать «в доинституциональной» человеческой истории. А определение специфики, содержания доминирующей в обществе институциональной матрицы, как и механизма взаимодействия базовых и комплементарных институтов, позволяет осознанно осуществлять институциональное строительство и минимизировать социальные издержки эволюционного развития государств.

РОЛЬ КОММУНАЛЬНОЙ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

В России коммунальный характер основных средств производства — в широком смысле этого слова, включая используемые в хозяйстве природные ресурсы — просматривается уже с IX века — начала истории русского государства. Прежде всего, он проявлялся в аграрной сфере, где использование земли, в силу ряда перечисленных ниже факторов, требовало общей, совместной ее защиты и обработки. Неблагоприятный климат в тех местах, где расселились славянские племена, образовавшие затем древнерусское государство, обусловил применение специфических технологий обработки земли. Короткие сроки проведения полевых работ и особенности применявшейся подсечно-огневой системы земледелия требовали концентрации коллективных усилий попеременно на разных этапах земледельческих работ. Поэтому возделывали землю, как правило, несколькими семьями или всем селением.

Особенности российского климата, не позволяющие развивать на нашей территории характерные для западных стран формы хозяйствования, известны⁹. Во-первых, это холодные зимы. Естественно-физическая граница России совпадает с изотермой января, соответствующей средней температуре этого месяца -8°C . Если сравнить наш климат с другими северными странами, к примеру, со Скандинавией и Канадой, то видим, что в Скандинавии благодаря теплоте Гольфстриму январская температура составляет $+2^{\circ}\text{C}$, что означает более мягкие и менее продолжительные зимы. А самый северный крупный город Канады Эдмонтон находится на широте Курска, и если в Канаде основная часть населения проживает

южнее этой границы, то у нас, наоборот, севернее. Вторая особенность нашего климата — длинные зимы, что сокращало период земледельческих работ до 4–6 месяцев. Низкая урожайность сельскохозяйственных культур в условиях холодного климата требует привлечения к обработке гораздо больших площадей, чем в странах Западной Европы. Например, в средние века французский аграрий мог прокормить семью из четырех человек с 5 гектаров пашни, русскому же требовалось земли в шесть раз больше¹⁰.

Природно-климатические условия ставили древнерусских земледельцев перед незнакомой европейским крестьянам трудно разрешимой задачей: земли нужно обработать много, а сроки проведения сельскохозяйственных работ — коротки. Решением являлась концентрация значительных групп работников в общине, что позволяло экономить совокупные транзакционные издержки. Убедительную аргументацию этого положения, со ссылкой на множество исторических свидетельств, приводит в своих работах известный историк Л.В. Милов¹¹.

Применяемая технология обработки земли в виде подсечно-огневой системы также способствовала закреплению общинных, коллективных форм хозяйства и собственности. Распространение огневого хозяйства было обусловлено, во-первых, отсутствием значительного количества пашни в лесистых местах первичного расселения славян, и, во-вторых, его высокой сравнительной эффективностью. Урожаи на ляхах — полях, получаемых в результате вырубki леса и пожара мелкого кустарника, были очень выгодны. В первые годы они достигали с одного посеянного зерна «от 7 до 15 зерен, иногда до 25–30»¹², не требуя никаких удобрений, в то время как средний урожай на российских землях в тот период составлял 3 или 4 зерна с одного посеянного. Именно по этой причине огневая система земледелия активно применялась в России вплоть до начала XX века как в северных и приозерных, богатых лесами районах, так и при хозяйственном освоении новых земель в Сибири и на Дальнем Востоке.

Когда по истечении 5–6 лет земля истощалась, ляды обычно запускались под древесную поросль, т.е. забрасывались на 1,5–2 поколения, и только внуки ныне хозяйствующих крестьян возвращались к ее обработке. Коллективный характер труда на огневой пашне и постоянный переход на другие зем-

ледельческие участки не способствовали закреплению частных прав собственности на определенные земельные участки. Вся земля, как находящаяся в обработке, так и в перспективе к ней предназначенная, считалась общей (или княжеской, или царской, или государственной по мере развития истории), общими усилиями возделывалась и общими усилиями охранялась от набегов иных племен. Другими словами, земля как основное средство производства и перспективного выживания представляла собой не тот конкретный участок, который нынче обрабатывался, а все то пространство, которое предназначалось к обработке в будущем и требовавшее в связи с этим своей охраны общими усилиями. Это и означало коммунальный характер земли как средства производства, что требовало единого управления и обеспечения в динамике общего доступа к различным ее частям (участкам).

Другие формы использования земли, аналогичные западноевропейским образцам, оказывались неэффективными. С точки зрения рыночных критериев, земледелие на Руси было бы совершенно неприбыльным занятием. На это в свое время указывал знаток прусского сельского хозяйства Август Гакстгаузен (Haxthausen), побывавший в России в 1840-х годах и сделавший выкладки относительно доходности хозяйств в Верхнем Поволжье. Он заключил свои изыскания следующим советом своим соотечественникам: «Если вам подарят поместье в северной России при условии, чтобы вы вели в нем хозяйство так же, как на ферме в Центральной Европе — лучше всего будет отказаться от подарка, так как год за годом в него придется только вкладывать деньги»¹³. Это высказывание представляет собой заключение независимого эксперта позапрошлого века о проблематичности фермерской организации хозяйства в условиях России и подтверждает особое свойство российской земли как коммунального средства сельскохозяйственного производства.

Леса на Руси также были элементом коммунальной материальной среды. Лесные промыслы, наряду с земледелием, служили вторым условием выживания наших предков. Известно, что лесная полоса России изобиловала неистощимым количеством дичи и необыкновенным разнообразием пушного зверя. Меда также было сколько угодно, а реки и озера кишели рыбой. Леса, озера и реки, дававшие значительную часть внут-

ренного валового продукта, с самого начала считались общим достоянием и находились, как правило, в коллективной или «государевой» собственности и в общем пользовании.

Наряду с землей и лесами, основу коммунальной материально-технологической среды в нашей стране составляла система речных путей. Совместными усилиями варягов и славян реки, протоки, озера были соединены между собой через волоки и каналы. Таким образом, эта основанная на речных путях транспортная система, функционировавшая и летом, и зимой, формировалась как общее, одинаково ценное для всех достояние и требовала совместного использования и защиты. В «ключевых местах» транспортной речной системы ставились города и крепости. Речные пути обеспечивали общий для всех выход на внешние рынки, прежде всего, в Византию, куда все российские регионы того времени вывозили летом по речным путям мед, шкурки, воск.

Внутренние рыночные отношения внутри российского государства практически не складывались. По свидетельству В.О. Ключевского, в первые века нашей истории незаметно хозяйственных различий по почвенным и ботаническим полосам, поэтому во всех зонах развивались аналогичные отрасли: земледелие, звероловство и бортничество¹⁴. В этих условиях торговый обмен был целесообразен в основном с чужими странами. Поэтому население того времени было заинтересовано в охране созданной коммунальной системы речных путей, по которым проходил основной путь «из варяг в греки». Защита и купеческое использование этого пути были, по мнению ряда историков, одной из основных экономических задач призванных славянами варяжских князей и их дружин.

Итак, с самого начала российской государственности можно видеть, что основные условия производства, обеспечивающие выживание русского общества, были по своей сути коммунальными. Это значит, что они требовали коллективных усилий и общих правил для своего использования, что и обусловило становление и развитие институциональной системы, основанной на общей собственности и едином централизованном политическом управлении. Соответственно формировалась идеология, подразумевающая приоритет общего блага, необходимого для выживания всех, над частными интересами.

В ходе исторического развития коммунальность материально-технологической среды в России не уменьшалась, а постоянно возрастала. При этом центр тяжести все больше перемещался с природной среды (земельных ресурсов, лесов, недр и др.) на материально-техническую инфраструктуру.

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ИСТОРИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Не секрет, что сегодня во множестве работ мы имеем дело с распылением социально-экономических реалий между областью эмпирических представлений, обыденных фактов и мнений, с одной стороны, и заимствованных символов, понятий и отвлеченных «теоретических» принципов, с другой стороны. Очень трудно соединяются сегодня российская историческая практика и экономическая теория. И для этого есть основания. Вряд ли можно ожидать хороших результатов, если экономист-теоретик погрузится в данные исторических архивов — непривычную для себя сферу приложения, завязнув во множестве фактов и данных. Или, наоборот, если историк попытается, не владея специальными теоретическими знаниями, современными концепциями и подходами, обобщить собранные им с таким трудом факты. Это — известная проблема междисциплинарных исследований.

Понятно, что многим профессиональным историкам, изучающим узкие темы с помощью архивных источников, специализированных исследований, специально подобранной статистики, может показаться довольно странным, что некто, никогда не занимавшийся исследованиями в данном направлении, теперь пытается заявить об открытии здесь закона или увидеть новое в том, что специалистам-профессионалам этой области достаточно хорошо известно. Такого рода вопросы часто возникают на стыке общеэкономических и исторических исследований. Вот один из ответов на этот вопрос: «совершенно очевидно, что для понимания исторических процессов необходимы как специалисты, способные к освещению частных исторических эпизодов на основе первичных источников, так и специалисты (генералисты), способные к обобщению в более широких перспективах тех фактов, которые были открыты ранее другими специалистами»¹⁵. На наш взгляд, экономическая теория способна выступить в роли такого генералиста. Ее кон-

цептуальные схемы, построенные на обобщении (генерализации) многих фактов и долгосрочных исторических периодов, могут быть «возвращены», или приложимы к конкретным изучаемым историками сферам для иной фокусировки исследовательского внимания. Они могут предлагать рассмотрение уже известных исторических феноменов в новых, возможно, непривычных и неожиданных ракурсах.

На наш взгляд, успешное соединение экономической теории и исторических исследований возможно в случаях достаточного уровня развития и проработки как первой, так и второй компоненты. Поэтому в анализе земельной собственности мы опирались на выполненное профессиональными историками глубокое исследование истории земельных отношений России, опубликованное в коллективной монографии «Собственность на землю в России: История и современность»¹⁶. Ее авторы не задавались с целью проведения специального институционального или социально-экономического исследования. Как следует из предисловия, авторский коллектив «не предлагает каких-либо жестких схем, видя свою цель в ознакомлении читателя с как можно более широким спектром взглядов на историю собственности в России»¹⁷. Но содержащийся в этой уникальной работе материал по развитию земельных отношений с начала российской государственности и до последних лет представляет не только исторический интерес и тщательное изложение реалий и практического опыта российского населения и власти, постоянно пытавшихся методом «проб и ошибок» нащупать эффективные пути решения аграрного вопроса. Эта работа актуальна не только для тех, кто профессионально занимается исследованием земельного вопроса, но и для экономистов и социологов более широкого плана, особенно интересующихся закономерностями трансформационных процессов современной России и развитием ее институциональной структуры. На примере земельной собственности перед нами разворачивается картина последовательного развития социально-экономических отношений в сфере, всегда являвшейся объектом жарких дискуссий и неоднородного масштабного реформирования.

В данной статье экономическая теория, посвященная анализу X и Y-экономик (раздел теории институциональных мат-

риц), использована для того, чтобы по-новому взглянуть на систематизированные в этом фундаментальном труде данные.

Целесообразность этого связана также с тем, что сами историки, нуждаясь в выборе парадигмы осмысления исторического процесса, не находят ее в уже известных теоретических концепциях. Например, в данной книге авторами используется методология формационного подхода, и, соответственно, выделяемые в нем этапы развития способов производства. Например, первая глава прямо называется «Собственность в феодальной России», и ее автор Н. А. Горская специально отмечает, что исходит из понимания исторического процесса, основанного на формационном подходе. Это, пишет она — сознательный выбор, основанный на том, что «Попытки отойти от этого понимания, подняться на более высокий уровень осмысления исторического процесса путем употребления понятий «цивилизационный подход», «доиндустриальное», «индустриальное» и «постиндустриальное общество» пока не принесли желаемого результата»¹⁸. Их оказывается недостаточно для характеристики этапов и выяснения закономерностей социально-экономического развития российского общества. Но используемый — в силу отсутствия других теоретических схем — формационный подход также не является вполне адекватным. Авторы часто указывают, что попытки анализировать земельные отношения в терминах европейских концепций непродуктивны. Например, то же понятие «феодалная собственность» (прежде всего на землю) не является «полной частной собственностью», как это имело место за западными границами России¹⁹. Поэтому можно констатировать, что историческая наука, анализируя факты, формирует перед нами — обществоведами и экономистами, — запрос на адекватную методологию социального анализа и необходимый категориальный аппарат, позволяющие увязать наблюдаемые факты.

Налицо и заинтересованность с противоположной стороны. Для чего необходимы исторические исследования экономистам и обществоведам, тем более теоретикам? Исторические сопоставления в обществоведении, на наш взгляд — это аналог экспериментальных данных в естественных науках. Здесь в качестве условий и приборов эксперимента выступает научная методологическая схема, которую предоставляют в распоряжение историков экономические и социальные

теории. Теоретико-методологическая схема, выступая аналогом лабораторного прибора, позволяет фиксировать и отслеживать «неизменные параметры» исторического процесса, не принимая во внимание «неважные», постоянно меняющиеся факторы и характеристики многообразной общественной жизни. Например, известно, что именно исторические исследования лежат в основе достижений и нобелевских премий западных институционалистов.

Итак, с одной стороны, социально-экономические теории дают возможности для упорядочивания и целенаправленного анализа исторического материала. Свидетельством этого может служить приложение (в свое время) идей формационного подхода в исторических исследованиях. С другой стороны, история, исторические исследования выступают своеобразным фильтром для оценки теоретических концепций, предлагаемых сегодня обществоведами. Исторические данные позволяют верифицировать и углубить социально-экономические теории. Историки предоставляют в распоряжение всех обществоведов драгоценный исторический материал, на основе которого можно дополнительно аргументировать — или опровергнуть, — положения тех или иных предлагаемых концепций. Поэтому осмысление земельных отношений в России с позиций институциональных представлений об X и Y-экономиках может иметь обоюдный интерес — и для нас, использующих исторические данные, и для историков, которым мы предоставляем новую схему систематизации накопленных данных.

Каковы наиболее важные выводы в отношении института земельной собственности, не противоречащие нашей теории, мы можем сформулировать?

ВЕРХОВНАЯ УСЛОВНАЯ ВЕРХОВНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ

Первый вывод состоит в том, что на протяжении всего исторического развития России доминирующим институтом, регулирующим поземельные отношения, следует считать институт так называемой *верховой условной собственности*²⁰. Данный институт постоянно порождает соответствующие ему *формы земельной собственности*, наиболее жизнеспособные в аграрном хозяйстве страны.

В чем сущность этого института? Во-первых, всегда существуют формальные и неформальные ограничения, в которых фиксируется право центральной власти в отношении земли, находящейся во владении и пользовании основных социальных субъектов. Во-вторых, верховная власть, являясь, по сути, собственником земли, определяет условия, выполнение которых обязательно для тех, кому эта земля передается во владение и пользование. Причем эта схема действует на всех уровнях иерархической властной вертикали — верхний уровень определяет условия для нижнего, в свою очередь, условия для него самого формируют стоящие выше звенья.

Уже в Киевской Руси (X–XI вв.), как писал Л. В. Черепнин, у нас преобладала верховная государственная собственность на общинные земли, реализовавшаяся путем взимания дани²¹. В домонгольской Руси формами землевладения, в которых выражал себя институт верховной условной собственности, были, помимо государственной собственности (в тот период ей соответствовала так называемая княжеская собственность — не путать с княжеской вотчиной), монастырские и церковные владения. Монастыри и церковь получали земли в результате княжеских пожалований, а также при государственной поддержке в ходе освоения новых территорий. В дальнейшем эти земли пополнялись за счет вотчин, передаваемых живущими (в дар) или умершими (по завещаниям) владельцами.

С середины XV в. формируется еще один сегмент, регулируемый институтом верховной условной собственности. Это — система условного землевладения в виде поместий — неотчуждаемой земельной собственности, обусловленной службой жалователю земли. В Судебнике 1497 г. поместные земли прямо рассматриваются как великокняжеские²², то есть подлежащие ведению центральной княжеской власти. Верховенство центральной власти и условность поместного землевладения сводились к запретам продавать и дарить землю, но не запрещалось права наследования. В обязанности помещиков входила деятельность по организации аграрного производства на переданных землях и попечение о работающих на них крестьянах, поступление в казну податей. Условием получения поместья было также несение тягот государственной службы (прежде всего, военной). Тем самым началось создание слоя служилых землевладельцев.

Через 400 лет характер поместной (к 1850 г. она называлась помещичьей) собственности на землю сохранился. Как признавал Н. И. Тургенев, хотя и известный ненавистник крепостного права, «Русский помещик имеет не только права в отношении своих крепостных, но и обязанности, возложенные на него законом... Таким образом, само его право на землю до известной степени ограничено условиями»²³.

В отношении монастырских и церковных земель также сохранялась определяющая роль верховной власти. Здесь и контроль за приобретениями, обмены монастырских земель на государственные, земельные конфискации, испомещение на монастырских землях служилых людей и т.п.²⁴ Именно верховенство государственной власти над церковными землями, рассмотрение их как резерва государственной земельной собственности и обусловило проведенную в дальнейшем Петром I массовую секуляризацию церковных земель.

Накануне крестьянской реформы 1861 г. государственные, помещичьи и церковные земли, «население которых было обязано выплатами правителю государства, продолжали повсеместно преобладать над территориями, находящимися в частном владении»²⁵. Еще более определенно высказывается Л. В. Милов, один из авторитетнейших исследователей конца XX века по проблемам исследования особенностей исторического процесса в феодальной России. Он писал, что «частнособственническое землевладение господствующего класса никогда не было в России ведущей формой земельной собственности»²⁶.

Реалии советского периода российской истории не нуждаются в специальных комментариях — характер социалистической собственности, находящейся в распоряжении колхозов и совхозов, имел ярко выраженный условный характер, и условия распоряжения землей определялись органами соответствующих уровней власти.

Российские реформы конца 1990-х годов также не изменили принципиального положения. Согласно статистике, сегодня 83% сельхозугодий находятся в частной собственности у 11 млн. граждан. Но в реальности частный характер землепользования не подтверждается. Поскольку, «во-первых, эти земли на отдельные участки для индивидуальных собственников в подавляющем большинстве не размежеваны, то есть де-факто земля не приватизирована, во-вторых, крестьяне в

основной массе верны коллективным формам работы как более эффективным в современных условиях, в-третьих, ведение рентабельного сельского хозяйства без государственной помощи невозможно»²⁷. Другими словами, фактически дольщики, или номинальные владельцы земельных паев не могут обособить свой участок и вести на нем самостоятельное хозяйство, реализовать участок, сдать в аренду и т.д.

Описываемый в монографии современный опыт Саратовской области по регулированию земельных отношений, часто исторически трактуемый как «распродажа земли» и уход государства из этой сферы, также подтверждает сформулированный вывод о доминировании института верховной условной собственности. Реализация принятого здесь, в опережение федерального, саратовского Закона о земле и связанные с ним мероприятия показывают, что именно участие и роль Правительства Саратовской области, областной думы, слаженная работа региональных и муниципальных органов обеспечивают действенный контроль за оборотом земельных участков, мониторинг земель и развитие экономики землепользования, определяют ограниченный законами и правовыми актами характер права собственности на землю»²⁸. Постановление губернатора № 490 от 20 июня 1997 г. «Об установлении нормативной цены земли на территории Саратовской области» закрепляет верховенство региональной и федеральной властей (в соответствии с принятым распределением полномочий между регионами и федеральным центром) в регулировании земельного рынка.

Институт «верховой условной собственности», действующий в аграрной сфере российского государства, не является неким кентавром «власти и собственности», как это любят представлять некоторые ученые²⁹, говоря о неразвитости и отсталости такого рода социальных форм. Напротив, структура названного института может быть проанализирована при помощи категорий, используемых сегодня в анализе института собственности. Институт верховной условной собственности расщепляется на права распоряжения (закрепленные за верховной властью), владения (переданные землевладельцам, например, помещикам и монастырям) и использования (до советской власти это была община в разных ее формах, после революции — колхозы и совхозы). Последовательное разви-

тие института собственности таково, что осуществление прав владения и использования последовательно сближаются (передача земли от помещиков к крестьянским общинам в 1861 г. и от государства после национализации земли в ходе Октябрьской революции — колхозам и совхозам). Современное состояние института верховной условной собственности на землю, как это можно видеть на примере передового опыта Саратовской области, подразумевает тщательную правовую проработку и законодательное обеспечение всего сложного пучка полномочий собственности между основными социальными субъектами, имеющими отношение к земле, разработку нормативной базы, необходимых инструктивных и регулятивных документов, работу по информационно-правовой пропаганде, обучение всех участников и т.д.

Проявление института верховной условной собственности в аграрной сфере позволяет зафиксировать наше внимание на основополагающем его отличии от института частной собственности. Оно заключается в том, что в X-экономиках объект собственности часто не может быть четко обособлен «по горизонтали» и «по вертикали». «Малые» объекты собственности не обособляются, а являются «вложенными» как составная часть в более масштабный объект. В основе этого лежит коммунальный характер материально-технологической среды, и земля в России, как мы описывали выше, исторически является именно таким объектом. То есть коммунальную среду можно разделить «на бумаге», но ее нельзя расчленить физически, и это составляет материальную предпосылку невозможности развития отношений частной собственности. Поэтому каждый раз естественно формируется условная верховная собственность, где верхний уровень, распоряжающийся коммунальным по характеру средством производства, определяет условия использования его составных частей отдельными хозяйствующими субъектами.

КВАЗИ-ЧАСТНЫЕ ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

Сформулируем следующий вывод, который вытекает из приложения теории институциональных матриц (ее раздела об X и Y-экономиках), к анализу земельных отношений. Внимательный анализ исторического и современного материала,

приведенного в основной цитируемой нами книге и во множестве других работ, показывает, что в России никогда не существовало частной собственности на землю в полном, классическом ее понимании. Таким образом, второй вывод состоит в том, что у нас имели место так называемые *квази-частные формы* земельной собственности.

Исторически первой формой индивидуальной крупной земельной собственности, имеющей квази-частный характер, являлись княжеские села и охотничьи угодья, положившие начало княжеской вотчине. Княжеская вотчина была отделена от государственных земель. Затем к вотчинным землям князя прибавились боярские села, полученные путем княжеских пожалований. Появились боярские (дружинные) вотчины, затем вотчины получали в свое распоряжение и дворяне. Вотчина являла собой владение, передаваемое по наследству, вотчинник имел право отчуждать свою землю без санкции князя. Но даже «владение полученной по наследству вотчиной не являлось индивидуальной частной собственностью»³⁰. Во-первых, само начало вотчинного землевладения приурочивается к элементу дружинному (то есть военно-служилому), таким образом, получение вотчин связывается со службой и исходит от верховной власти. Во-вторых, за те или иные провинности можно было лишиться вотчины. В-третьих, права распоряжения вотчинами существенно ограничивались государством (особенно это касалось княжеских вотчин). В-четвертых, уже в московском царстве с вотчины отбывается такая же обязательная служба, как и с поместья, то есть становится еще более выраженным условный характер вотчинной собственности.

Все это характеризует вотчины как квази-частные формы, по содержанию не совпадающие с феодальной земельной собственностью европейских государств. «Для средневековья и раннего нового времени России применяемое относительно феодального государства и феодалов (а тем более относительно других социальных слоев и крестьянства в целом) понятие «феодальная собственность» (прежде всего на землю), не является «полной частной собственностью»³¹.

Другой формой индивидуальной земельной собственности, аналогичной частной, многие считают крестьянскую собственность после земельной реформы 1861 г. и, особенно, в ходе столыпинской реформы 1906–1907 гг. Насколько это спра-

ведливо? Что дает нам представленный в рассматриваемой монографии материал?

Крестьянское право на землю после освобождения, как отмечал В. В. Леонтович, «не представляло собой субъективного права в гражданско-юридическом смысле»³². Это было право собственности, принадлежавшее крестьянину в составе общины. Общины делились на переделяющиеся и беспередельные. Именно последние, беспередельные общины характеризовались подворно-наследственным крестьянским землевладением. В отличие от передельных общин, подворные общины утрачивают — временно или навсегда — земельно-распределительные функции. Но это не отменяло других функций общины. В условиях чересполосицы крестьяне продолжали быть связаны общими сроками сева и уборки урожая, которые определяла община. В общинном владении оставались угодья общего пользования (пастбища, выгоны, иногда леса). На общинном сходе решались дела о раскладке податей и т.д. Да и сама собственность крестьянского двора на землю могла быть реализована только внутри общины, смысл которой и был в совместном владении землей при индивидуальном ведении хозяйства каждым двором. Таким образом, действительно не представляется справедливым приравнять права крестьянина в составе подворной общины к правам реального частного собственника земли.

Через 50 лет после передачи земель помещиков в собственность крестьянской общины был сделан еще один шаг в сторону совмещения прав владения и пользования землей. В ходе столыпинской реформы создавались условия выхода крестьян из общины «на отруб» с принадлежащим им земельным участком. Стал ли «отрубной» крестьянин частным собственником? Во-первых, земельные участки, с которыми выходили крестьянские семьи, были невелики, и реформа не решила проблемы малоземелья, характерной для России начала XX века. Во-вторых, лишь части новых отрубников и хуторян удалось сделать что-то для улучшения своего земледельческого хозяйства. Основная масса частично разорялась, частично продавала землю и уходила в город, частью включалась в общекрестьянский конфликт с властью, требуя уравнительного передела³³, что подтверждают и данные других исследователей данного вопроса. Наконец, деятельность нового слоя

проходила в условиях крестьянского раскола, вызванного столыпинской реформой. За период до 1 сентября 1914 г. только 26, 6% пожелавших выйти из общины получили согласие своего общества, 72,3% из выделившихся должны были для этого прибегнуть к помощи полиции или войск³⁴. Порой они могли пахать лишь под охраной. Поэтому трудно судить о формировании реальных прав нового слоя «частных собственников» в начале XX века, как ввиду крайней его малочисленности, так и ввиду отсутствия свободных условий деятельности.

Наконец, можем ли мы считать реальными частными земельными собственниками нынешних фермеров и различные сельскохозяйственные объединения, образовавшиеся на базе прежних колхозов и совхозов? Что касается сельхозпредприятий, то выше уже говорилось, что приватизации земли де-факто не произошло, в большинстве случаев она осуществлена лишь де-юре, то есть «на бумаге». Анализ развития фермерских хозяйств также не подтверждает полномасштабной реализации ими прав частной собственности. Кроме того, класс фермеров достаточно малочислен. С 1994 г. его доля в аграрном производстве России колеблется на уровне 2%, а условия деятельности в решающей мере зависят от поддержки государства³⁵.

Особенностью функционирования квази-частной формы земельной собственности является ее «затухающий» характер. Возникающая в результате проводимых сверху реформ как специфическая и особенная, она со временем по юридическому и реальному статусу сближается с формами верховной условной собственности. Так, повсеместно отмечается сближение юридического статуса вотчины и поместья в течение XVII века³⁶. Далее, обосновывается неправомочность тезиса о качественном различии обычной и подворной общины, доказывается, что ошибочно трактовать общинное (передельные общины) и подворное (беспередельные общины) землевладение, являющееся результатом столыпинской реформы, как «докапиталистические» и «капиталистические». «Было бы ошибкой утверждать, что подворное землевладение носило чисто капиталистический характер, а общинное было пережиточным, докапиталистическим»³⁷. Между ними было больше сходства, чем различий. Наконец, известным является сближение статусов индивидуально-коллективной (колхозной) и государственной (совхозной) форм земельной собственности.

Таким образом, историческая память России не содержит устойчивых феноменов функционирования частной земельной собственности. Внедряемые формы имели квази-частный характер, и действовали они в условиях доминирования верховной условной собственности на землю.

СООТНОШЕНИЕ ФОРМ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ретроспектива земельных отношений от момента основания русского государства до наших дней ярко показывает, что на протяжении всей российской истории продолжается трудный поиск оптимального соотношения двух названных форм собственности, и это третий вывод, который можно сделать из истории российских земельных отношений.

В современной рыночной теории — как в мейнстриме, так и в нео-институционализме, — вопрос соотношения частных и публичных (общественных, коллективных) форм собственности подробно обсуждается, поскольку является важным компонентом экономической жизни западных стран. На языке институциональной экономической теории определение оптимальности такого соотношения можно считать поиском институционального баланса между базовыми и комплементарными институтами, вернее, институциональными формами, в которых они выражают себя на поверхности хозяйственной жизни. Как шел поиск такого оптимума в аграрной (земельной) сфере России?

Экспертно суммируя разные оценки, можно заметить, что квази-частная (и личная) форма собственности всегда занимала подчиненное положение и была распространена существенно меньше: в разные исторические периоды ее доля не превышала трети всех земель России (Русского государства, Российской империи), используемых в аграрном производстве.

Например, какова была доля вотчинных земель в средние века? Соотношение вотчин и поместий постоянно менялось — то превалировала раздача поместий, то раздача вотчин. Но если грубо предположить, что в период их широкого распространения в среднем пропорция поместий и вотчин была примерно одинакова (такое предположение позволяют сделать приводимые на страницах анализируемой книги данные), то

долю вотчин, или квази-частной собственности к середине XVII в. можно оценить на уровне 25–30%³⁸.

Во времена известной аграрной реформы 1906–1907 гг., проводившейся под руководством П.А. Столыпина, несмотря на активную государственную поддержку крестьян, желавших выйти из общины, они также не стали преобладающей социальной группой. За период до 1 сентября 1914 г. выдано около одной пятой всех крестьян³⁹, причем процесс выделения крестьян из общины носил затухающий характер: «подавляющее число домохозяев (74%) на десятом году реформы, а точнее по состоянию на 1 января 1916 г., оставалось в общине. Немало вышедших вновь вернулось в общину»⁴⁰.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в ходе реформирования 1990-х годов. Закон РФ о крестьянском (фермерском) хозяйстве и реорганизация колхозов и совхозов создали в начале 1990-х гг. предпосылки для самостоятельного ведения хозяйства для всех желающих. С каждым годом фермерских хозяйств становилось все больше и больше. Но, начиная с 1994 г., темпы прироста фермерских хозяйств стали сокращаться. При этом стал нарастать процесс разорения крестьянских хозяйств. Начиная с 1997 г. число хозяйств, прекративших свою деятельность, стало превышать число вновь создаваемых хозяйств⁴¹. Если в 1997 г. число фермерских хозяйств по сравнению с предыдущим годом сократилось на 1,5 тыс., в 1998 — на 4,3 тыс., в 1999 — на 4,1 тыс., а в 2000 г. — уже на 9,1 тыс. Причины этого явления многообразны, мы фиксируем внимание читателя лишь на количественном результате, совпадающем в тенденции с предыдущими аграрными реформами.

Всплеск роста квази-частной собственности приходится, как правило, на периоды так называемых либеральных реформ. Они, в свою очередь, следуют после кризисов, в которые доля квази-частных форм ничтожна. После окончания периода кризиса или по истечении срока активной реформаторской деятельности доля земли в квази-частной собственности снова уменьшается. И если она уменьшается до такой степени, что условная верховная собственность начинает тотально доминировать, страна вновь приходит к аграрному кризису. Поэтому таким важным является определение пропорций, в которых должны быть представлены и та, и другая равно необходимые формы собственности.

Устойчивость и выбор конкретных социально-экономических форм, в которых реализуются отношения земельной собственности в России, обуславливался, в конечном счете, не политической волей властей (как хотелось бы сторонникам кардинальных преобразований) или спецификой менталитета и культурных образцов (как утверждают сторонники консервативного хода вещей). В каждый момент времени проведение земельной политики представляет собой последовательно формирующийся труднейший компромисс между различными группами интересов акторов (как сказали бы социологи), действующих в аграрной сфере. Например, в анализируемой нами книге дается богатый социологический анализ умонастроений и предпочтений различных социальных групп, выражающих их интересы в отношении земельной собственности — правительства, помещиков, дворян, «земельных аристократов», представителей крестьянства, различных партий. Тем самым снимается исторический налет многочисленных мифологем, социальных штампов и на основе разнообразных исторических источников — от царских рескриптов до эпистоляристики — восстанавливается суть имевших место споров, реальная социальная практика. Становится ясно, что та или иная организационная форма, меняющаяся во времени, но следующая руслу исторической эволюции, является обусловленным временем решением для обеспечения выживания государства как целого или всей совокупности аграрного населения, составляющего остоу социальной структуры нашего отечества. Другими словами, устойчивость экономического выбора диктуется целесообразностью, или, говоря современным языком институционалистов, следует закону экономии трансакционных издержек. Экономические отношения формируются в тесной и непосредственной связи с условиями ведения сельскохозяйственного производства, территориальными различиями в климате, плодородии почвы, системах земледелия и т.д.

Показательны в этом плане история и устройство крестьянской общины. Ограничимся здесь лишь наблюдениями экономического характера, не анализируя роль общины в социальной и административно-поселенческой структуре российского государства. Во-первых, можно видеть, что община являлась элементом экономического механизма, обеспечивающего непрерывность аграрного производства в условиях рис-

кованного земледелия, характерного для большей части страны. Во-вторых, община обеспечивала выживание каждого отдельного крестьянина. Так, система полос, часто дурно понимаемая, по сути, служила страховым условием получения определенного уровня урожая каждой крестьянской семьей. В условиях нестабильного климата чересполосица нивелировала влияние месторасположения участка и ограждала крестьянские хозяйства от разорения. «Имея участки в разных местах, крестьянин мог рассчитывать на ежегодный средний урожай. В засушливый год выручали полосы в низинах и лощинах, в дождливый — на взгорках»⁴². Так что семья оставалась с хлебом и могла нести тягло по выплате податей, идущих на общегосударственные расходы. В-третьих, имела свои основания и система переделов, периодически запрещаемых центральным правительством, особенно во времена столыпинских реформ. Их целью было приведение во взаимное соответствие наличных сил крестьянских семей и того объема сельскохозяйственного труда, который надлежало выполнить общине для выполнения своей экономической роли в масштабах государства. Рост или уменьшение семей имели следствием соответствующее изменение площади обрабатываемых участков. В-четвертых, в условиях общины суммарные издержки на освоение новых технологий были существенно меньше. Так, переход от традиционного трехполья к более совершенным севооборотам для подворной деревни был более труден, чем для общинной⁴³. Со временем, как отмечают исследователи, задача совместного выживания членов общины заменялась задачей поддержания исправных хозяйств и воспроизводства рабочей силы, а затем — и задачей повышения доходности совместно используемых земель⁴⁴.

Ретроспективный анализ земельных отношений иллюстрирует инновационные представления современной отечественной и мировой экономической мысли о роли естественного отбора в соревновании различных форм собственности, «при котором различные группы населения — номинальные или титульные, собственники, управляющий персонал, работники, арендаторы — обладают теми или иными полномочиями по владению, распоряжению и использованию собственности»⁴⁵. Каждый раз в истории доминирует та институциональная форма, которая соответствует базовому институту эконо-

мической системы. В России таким формами являются те, в которых выражает себя присущий X-экономике базовый институт условной верховной собственности.

Выводы

Сопоставление положений разрабатываемых социально-экономических теорий и данных исторических исследований представляет собой своего рода взаимную экспертизу результатов, полученных представителями разных наук в отношении общественного развития. Рассмотрение истории земельных отношений в России с точки зрения теории институциональных матриц, в частности, ее раздела об X и Y-экономиках, позволяет, на наш взгляд, и верифицировать теоретические положения, и дать дополнительную систематизацию накопленных исторических данных. Тем самым сформулированные в работе выводы получают свое и теоретическое, и историческое обоснование, что позволяет с большей уверенностью говорить о выявленных закономерностях развития земельных отношений в России.

Первая состоит в том, что на протяжении российской истории доминирующей формой собственности на землю является так называемая условная верховная собственность, качественно отличающаяся по своей природе от собственности частной. В условной верховной собственности закрепляется преимущественное право общества в целом на эффективное использование земельных ресурсов. Не сумма частных интересов, соотносимых друг с другом в ходе обменных рыночных отношений, определяет формирование общественного интереса, но последний является приоритетным при формировании характера взаимодействий между пользователями земли. Вторая закономерность состоит в особом характере индивидуальных и иных квази-частных форм земельной собственности. Развитие и количественное распространение таких форм, совпадающее с началом периодов либеральных реформ, как правило, постепенно стабилизируется и затухает. Эти формы земельной собственности играют компенсирующую роль в развитии аграрного производства, являясь необходимым, но все-таки дополнением к доминирующим формам условной верховной собственности. Третья закономерность

состоит в том, что поиск соотношения между теми и другими формами земельной собственности имеет постоянный характер. Одинаково неэффективно и тотальное доминирование условной верховной собственности, и попытки заместить ее «частной» собственностью. С учетом такого понимания социально-политический процесс реформирования земельных отношений мог бы стать, наконец, более эффективным и сопровождаться меньшими общественными издержками, чем это было в истории нашей страны.

Выявленная специфика земельных отношений является не результатом политического давления или социально-психологических характеристик населения. Она имеет материальные предпосылки в виде коммунального свойства используемой производственной среды. История, при всех попытках ее «переделать», показывает устойчивость редиистрибутивных, а не рыночных форм хозяйственных отношений, в том числе и в аграрной сфере. Именно они обеспечивают, в конечном счете, выживание и развитие российского социума в данных ему материальных условиях.

Примечания

¹ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. С. 30.

² От лат. *matrix*, что значит матка, исходная первичная модель, порождающая последующие воспроизведения чего-либо.

³ Подробнее см. работы автора: Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000; а также 2-е изд, перер. и доп., Новосибирск, 2001; Кирдина С. Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М., 2004; Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц: научный контекст создания / Перспективные направления развития теоретической социологии в России рубежа XX–XI веков. Барнаул–Москва, 2003 и др. работы, в том числе на сайте www.kirdina.ru

⁴ См., например: Матрица институциональная в социологии // Социологическая энциклопедия. В 2-х томах. М., 2004. Т.1 С. 609–610.

⁵ Субсидиарность как принцип (например, христианской доктрины) означает приоритет личности по отношению к сообществам, членом которых она является — от организации до общества. В федеративных отношениях subsidiarность означает приоритет прав нижней территориальной единицы по отношению к верхним уровням, образуемым на основе добровольных решений нижних первичных элементов территориальной структуры.

⁶ Термин «редистрибуция» в экономической науке введен Карлом Поланьи для обозначения такого типа экономических отношений, в которых движение ценностей и прав по их использованию опосредуется центром (Polanyi K. *The Livelihood of Man*. N.-Y. Academic Press, Inc, 1977., р. 36). Редистрибуцию Поланьи качественно отличает от модели рынка, или обмена, в которой действуют лишь два участника (а не три), ориентированных на получение прибыли в результате транзакции.

⁷ Подробнее структура базовых институтов описана в упомянутых монографиях автора. Всего их выделено 26 — по 5 институтов, характеризующих базовый институт рынка и институт редистрибуции; по 5 институтов, раскрывающих действие базового института федеративного и унитарного политического устройства, а также по 3 идеологических института для каждой матрицы.

⁸ Подробнее см. Бессонова О.Э., Кирдина С. Г., О'Салливан Р. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. Новосибирск, 1996. С. 20–24; Кирдина С.Г. Экономические институты России: материально-технологические предпосылки развития // *Общественные науки и современность*. 1999. № 6; Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России (2-е изд.). С. 73–84; Литвинцева Г. П. Продуктивность экономики и институты на современном этапе развития России. Новосибирск, 2004. С. 50–51; и др.

⁹ См., например: Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 2000.

¹⁰ Валянский С., Калужный Д. У нас нет лишней земли // *НГ-сценарии*. 1998. № 4. С. 5.

¹¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Милов Л.В. К вопросу о фундаментальных факторах в русском историческом процессе // *Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии*. М., 1997; Милов Л.В. Особенности исторического процесса в России // *Вестник Российской Академии наук*. 2003. Т. 73. № 9.

¹² *Энциклопедический словарь*. Санкт-Петербург: Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. 1868–1906. СПб., 1868–1906. Т. 21. С. 695.

¹³ Пайпс Р. Россия при старом режиме // М., 1993. С. 47.

¹⁴ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 80.

¹⁵ Элман М. Теория мировой системы. Доклад на IV Международной Кондратьевской конференции «Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век. Москва, 2001. С. 7.

¹⁶ Собственность на землю в России: История и современность. / Под общ. ред. Д. Ф. Аяцкова. М., 2002. Авторы глав Н. А. Горская, М. Д. Долбилов, П. Н. Зырянов, В. В. Журавлев, А. П. Корелин, В. Н. Ко-

лодежный, Л. Н. Доброхотов, Н. В. Владимиров, В. А. Динес. А. Н. Николаев).

¹⁷ Там же. С. 15.

¹⁸ Там же. С. 9.

¹⁹ Там же. С. 42.

²⁰ В этом названии соединяются идея Л.В. Черепнина о *верховой собственности* государства на землю и *условная собственность* владения земель служилыми людьми, как ее называет Н. А. Горская (см.: Собственность на землю... С. 27).

²¹ Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // *Вопросы истории*. 1953. № 4.

²² *Памятники Русского права*. М., 1955. Вып. 3. С. 356.

²³ Тургенев Н. Россия и русские. М., 2001. С. 409.

²⁴ Собственность на землю... С. 26.

²⁵ Там же. С. 15.

²⁶ Милов Л.В. Великорусский пахарь... С. 558.

²⁷ Собственность на землю... С. 521.

²⁸ Там же. С. 543–549.

²⁹ Васильев Л.С. Феномен власти-собственности // *Типы общественных отношений на Востоке в средние века*. М., 1982.

³⁰ Собственность на землю... С. 43.

³¹ Там же. С. 42.

³² Леонтович В. В. История либерализма в России: 1762–1914. / Пер. с нем. М., 1995. С. 206.

³³ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. С. 308.

³⁴ Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века. М., 1963. С. 211.

³⁵ Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы. Новосибирск, 2002. С. 17.

³⁶ Собственность на землю... С. 21.

³⁷ Там же. С. 154.

³⁸ Оценка выполнена на основании данных примерных расчетов Я. Е. Водарского и В. М. Кабузана, приведенных на странице 25 книги «Собственность на землю...»: в середине XVII в. духовенству принадлежало 16% земель, дворцовому ведомству — 8, черносошному крестьянству и др. свободному населению, зависимому от системы государственной собственности — 20, боярам и дворянам (владельцам вотчин и поместий) — 56%. Половина этой величины и составляет примерно 25–30%.

³⁹ Ахиезер А. С. Указ. соч. С. 304.

⁴⁰ Холодков В.В. Общинные традиции России // Финансы. 1995. № 6. С. 58.

⁴¹ Калугина З.И. Указ. соч. С. 15.

⁴² Собственность на землю... С. 159.

⁴³ Там же. С. 155.

⁴⁴ Там же. С. 176.

⁴⁵ Абалкин Л. И. В поисках новой стратегии // Сочинения. Т. 4. М., 2000. С. 739.